

МОЦИОН

2019

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Матвей Башлаков

Матвей Александрович Башлаков

Моцион. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49890917

SelfPub; 2020

Аннотация

Моцион – это сборник рассказов, объединённый общей темой поиска счастья и любви. Подростки всегда счастливее взрослых, потому что та искренность, с которой они воспринимают мир, доступна только в юности, и поэтому жизнь их наполнена яркими впечатлениями, под влиянием которых время убегает совсем незаметно, лениво догоняя завтрашний день. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	4
Беседа с Ночной бабочкой	6
Прогулка	27
Вечернее кино	50

Предисловие

Это может показаться для вас странным, но последнее время мне стали так привлекательны женщины азиатской внешности. Вы не подумайте, я не какой-то больной фетишист, анимешник или извращенец. Просто, когда я смотрю на красивых азиатских девушек, в моем сердечке что-то приятно ёкает, а дыхание ненадолго сбивается. Со всеми другими девушками такого, увы, не происходит. Я не знаю почему так, и что это говорит обо мне как о человеке, но могу сказать точно, когда это началось. После просмотра первого в моей жизни фильма Вонга Карвая (фильм назывался "Падшие Ангелы" 1995 года), что было в середине июня, я впервые начал замечать ещё не совсем яркие проявления этого, если можно так выразиться, "помешательства". Чем больше я смотрел его фильмы, тем больше мне нравились азиатские девушки, и тем больше мне нравился Вонг Карвай как режиссёр. Больше, конечно, девушки. Хотя фильмы Вонга Карвая прекрасны. Прекрасны тем, что Карвай умеет говорить о счастье, но делает это так, что почувствовать это может лишь тот человек, который имел очень много счастья, а потом его потерял.

В общем, все что есть ниже, написано с тоской в душе по узкоглазым красоткам, от вида которых моё бедное сердечко ёкает, а сухие губы отчаянно ловят воздух, не находя губ для

поцелуя. Простите, остальные девчонки, но вы мне просто нравитесь.

Беседа с Ночной бабочкой

А вы знали, что если спать голышом, то вам с вероятностью в восемьдесят процентов приснятся эротические сны? Недавно начал замечать, что моя жизнь полна различных исследований, то есть я постоянно стараюсь подвести все под статистику или найти какую-нибудь связь между различными вещами или явлениями, а иногда и все вместе. Вот, например. Сколько нужно рюмок водки, чтобы искренне хотеть заговорить со своими собутыльниками о любви? Именно ощутить это состояние, когда ты будто руками раскрываешь грудную клетку и готов выложить им всего себя до последней капли. Как вы думаете, сколько? И... барабанная дробь... правильно, ответ 5. Но это конечно при условии, что вы чего-нибудь покушали за часа два перед выпивкой. Или вот еще ребус. Знаете ли вы, на каком сайте в Брянске можно найти проверенных проституток? Ответ не верный. Нет такого сайта. Все нормальные проститутки ошиваются у подвальчика, рядом с «мегахендом». Если будете в Брянске, то садитесь на 34-ую маршрутку и выйдете на «Площадь партизан». Как выйдете, спросите у местных, где у вас тут «мегахенд». Про проституток не спрашивайте. Местные своих путан стесняются.

Но есть вещи, к которым точную инструкцию у меня пока составить не получилось. Например: как, глядя на девушку,

можно понять, что ты можешь ее прямо сейчас поцеловать. Я вечно либо спешу, либо опаздываю. И что с этим делать, я совсем не придумал. Если вы знаете, как и что тут устроено, то, пожалуйста, расскажите.

А пока вы рассказываете, я поведаю вам одну историю. Она про женщину и немного про любовь. Как, наверное, 90% историй в этом мире.

Все началось в субботу в 5 часов дня. Именно во столько я проснулся. А что вы на меня так смотрите? Каникулы, могу себе позволить. На улице было хорошо, и самое главное, что это "хорошо", как мне тогда казалось, продлится ещё полтора месяца. Хотя насчёт "полтора" я был не уверен, потому что начиная с первого июля совсем потерял счёт во времени. Улицы выглядели дружелюбно. Было тихо, как после дождя. Я разменял "Московский проспект" и уже иду в сторону ДК "Железнодорожников". По дороге меня встретила статуя Фокина, в честь которого и был назван район города, в котором я живу и в данный момент находился ("Фокинский"). Статуя небольшая, в рост человека. Мне она нравилась. В ней не было ничего помпезного, даже наоборот. Скромная и ухоженная статуя. На секунду мне показалось, что сам Фокин был скромным и одиноким человеком. Я про него ничего не знаю совсем, и, скорее всего, мои размышления ничего общего с реальностью не имеют. Но кто знает.

Подойдя к ДК, который из себя представлял весьма грандиозное здание с колоннами, но внешний орнамент был по-

советски строгим и даже каким-то неприлично простым. Я оглядел площадь, которую только что прошёл. Она была настолько пустой, что мне стало даже как-то жутко одиноко. Облокотившись о колонну, я закрыл глаза. Люблю сюда приходить, вот так вот вставать, закрывать глаза и слушать город.

– Эй, парнишка, у тебя сигаретки не будет?

У города был хриплый низкий голос и запах пива. Я совсем не спешил открывать глаза. Мне было интересно, как мир отреагирует на моё бездействие. Но мир повел себя непредсказуемо и промолчал. И не просто промолчал, а замолчал вовсе, будто опешил от моей наглости.

Тишина. Обстоятельства начали набирать обороты, и я стал чувствовать себя тревожно. Тишина. Чём больше тянется это всеобщее молчание, тем больше я начинаю сомневаться, что за закрытыми глазами все ещё есть мир, который был там раньше.

– Брательник, ты укуренный что-ли? – говорит город и начинает щёлкать пальцами.

Я открываю глаза. На меня смотрит такими наглыми бычьими глазами загорелый бородатый мужик в чёрной футболке "Nirvana". Он не выглядел, будто какой-то бомж алкоголик, как подумал каждый из вас. Это был обычный дед. Худой дед с густыми седыми волосами, с зелёными следами от травы на джинсах и высокими чёрными берцами. Правда зубов у него не хватало, да и кожа была уже дряблой, хотя

выглядел он довольно бодро. На вид ему было лет пятьдесят.

Я потянулся за сигаретами в карман.

– Какая у тебя серьга красивая, золотая? – спросил он. Говорил он быстро и невнятно. Я даже сразу и не понял, что он бормочет.

– Угу, – сказал я, протягивая ему сигарету.

– Помню раньше тоже носил серьгу. Но у меня правда была по понтолее. Я брал булавку, цеплял на неё листик конопли и так ходил.

– Во тема была, – довольно продолжал он, – тогда ещё в союзе никто не баловался особо, но ребята прошаренные знали, где в деревнях растёт вот такая конопля, – он поднял руку немного выше меня.

– Да она и сейчас во всяких деревнях растёт, правда найти её тяжеловато, – отвечаю я. В голове тогда у меня поплыли картины, как мы с моим деревенским другом Вадиком дикую коноплю в костер кидали и пытались вдохнуть от неё дым. Нас тогда естественно не торкнуло, но это уже другая история.

– Это верно дружок, верно, – сказал он и закурил.

Этот дед хоть и был тем еще субъектом, но почему-то меня к нему необъяснимо тянуло.

– Слушай, парень, а ты на гитаре то хоть лабать че-нибудь умеешь? – выдыхая дым, говорил он мне. Говорил он эмоционально, но так же невнятно, смешно трясая руками в такт своей речи.

– Я пока только учусь, – отвечаю я этому уникаму.

– Вот это заебись, – сказал он и протянул мне руку для рукопожатия, – помню, когда ещё только рок в союзе популярность набирал, – сделал он паузу, проглатывая дым, – когда ещё появился "Аквариум", группа "Кино". Вот тогда бля, любая девчонка, с которой ты пытался познакомиться, сначала спрашивала: "А ты на гитаре умеешь че-нить?". А если ты умел играть че-нить из "Роллинг Стоунз" или "Пистолетов", то бля, от девок у тебя вообще отбоя не было.

Он выкинул окурок в клумбу и сел на ступеньки. Я сел рядом с ним.

– Слышь, хочешь я тебе историю про Курта Кобейна расскажу? – спросил он тогда. Хрен его знает, к чему ему вообще эта история. Помню, я выгнулся так нелепо на ступеньке, будто потягивался, и сказал ему, что пусть рассказывает, что хочет.

– Короче, однажды, Кобейн был на какой-то пьянке, и в общем во время этой пьянки, какая-то его подруга написала на стене "Kurt smells like teen spirit", что значит "Курт пахнет подростковым духом". В тот момент они пиздели о свободе там, о смысле жизни, и Кобейн решил, что эта фраза – метафора о нем. Ну и назвал ей сам знаешь какую песню.

Я вспомнил знакомые мне аккорды.

– Ну а по итогам-то знаешь, что вышло? Оказалось, что Курт помацался с какой-то девкой, которая напшыкалась духами с названием "Teen spirit", – сказал он и затряс голо-

вой, – ты блять понимаешь масштаб иронии. Подростковый дух, бунтарство, желание перемен. Кобейн написал гимн для целого поколения американских подростков. А что в итоге. Большие дяди заботливо разлили этот гимн по бутылкам и продали подороже. Вот и все бунтарство. Понимаешь? Сейчас любая борьба превращается лишь в шестеренку в огромной капиталистической машины. Ты блять понимаешь? Борьба с этой машиной, идёт даже ей только на пользу. Поэтому и борьба выглядит смешно и нихуя она не способна изменить, потому что не имеет никакого смысла.

– А что по вашему имеет смысл? – молниеносно среагировал я. Дед немного смутился. Было видно, что он не ожидал от меня встречного вопроса. У меня появилась догадка, что он любитель вот так вот поприставать с рассказами к разным людям, но похоже люди его не воспринимают и обычно просто молчат ему в ответ.

– Ты, браток, я вижу нормальный пацан и будущее у тебя большое будет. Послушай меня старого, – сказал он, взяв меня за плечи и взглянув мне прямо в глаза. Глаза у него были такие, словно он с ума сошёл. Губы тряслись, ноздри расширились, – Будь счастливым сейчас. А то знаешь как бывает. Успеется, успеется, а в итоге сидишь ты блять старый, молодость прошла и жалеешь, что хуйней всякой занимался. Вы молодые все считаете, что у вас времени много, можно все успеть. Да только я тебе скажу, что это очень наивно и потом уже когда спохватишься, что жизнь то кончается, будет

поздняк метаться, – проговорил он и отпустил мои плечи.

– Жизнь то она здесь, сейчас происходит, – продолжал он, – а не в понедельник или вторник. И не через месяц, и не через год, а сейчас. Запомни это братец и постоянно борись за это "сейчас". Вот чувствуешь, что жизнь становится такой, будто воду с накипью пьёшь, значит о своем сейчас ни хуя ты не заботишься. И самое главное, – сказал он и поднял палец в небо, – не думай, что все хорошее к тебе само придёт. Так можно долго прождать, а ждать то ни хуя не нужно. Делать нужно, делать – договорил он и похлопал меня по плечу.

– Я ответил на твой вопрос? – с надменным видом спросил он.

– Вполне, – деловито ответил я.

– Ну вот и прекрасно.

Тут дед посмотрел на свои старые блестящие на солнце часы.

– Ладно, чёт распизделся я тут, а мне ещё внучку забирать из детского сада, так что пойду я. Давай, чао какао, – сказал он и мы на прощанье пожали руки.

– Я если что, в табачном у хлебозавода работаю, так что заглядывай на досуге, – прокричал он уходя.

– Обязательно, – улыбаясь, ответил я.

Он исчез за поворотом, а я так и остался стоять около колонны и переваривать полученную информацию.

Старые люди очень одиноки. Но самое страшное, это когда старые женатые парочки друг друга уже давно не любят

и при этом друг друга презирают. Ты вроде и живёшь с кем-то на одной площади, а одиночество душит ещё сильнее, чем когда живёшь один.

Потом мне захотелось пить, и я направился до близлежащего "фикс прайса". Поднимаясь по лестнице, мне навстречу шли две подружки. Одна была довольно широкая баба, с невнятными чертами лица, которые у меня сразу же вылетели из головы. Вторая была грудастой блондинкой с острым длинным носом. Она мне подмигнула, но я сделал вид, что задумался и мне нет до неё никакого дела. В "фикс прайсе" я наткнулся на книжку Мураками за семьдесят рублей. Открыв первую страницу, я прочитал: "В ту весну Сумирэ исполнилось двадцать два года, и она впервые в жизни влюбилась. Сумасшедшая любовь обрушилась на нее, как смерч, способный вмиг опустошить бескрайнюю равнину: все, что имеет хоть какую-то форму и попадает на пути, он сметает под корень, без разбору швыряет в небо, ни за что ни про что кромсает в клочья и корежит до неузнаваемости, после чего, нимало не утратив мощи, уносится к Тихому океану, безжалостно рушит Ангкор Ват, по пути, в индийских лесах, испепеляет семейство несчастных тигров, в персидской пустыне превращается в самум и хоронит в песке целый экзотический город-крепость...".

Я не удержался и в голос рассмеялся на весь магазин. Две женщины под сорок даже отшатнулись и быстро передвинулись в соседний отдел. Но несмотря на взрыв смеха с моей

стороны, книгу все-таки я приобрёл.

Зачем?

Помечтать.

Любовь, лююбоввь, люоввь, люблюл, блю, лювобвь...

Я купил помимо книги воду и вывалился на улицу. Потом мне позвонил мой друг Максим и предложил мне упороться кофеином. И да, тут нет опечатки. Кофеином. Я бы в жизни не поверил, что это возможно, если бы не услышал это от Максима. Максим – это тот еще торч. Помню случай, как он дунул и пришел в школу ко второму уроку, на физику. У него еще уши такие смешные, но это ладно. И в общем сидит он в кабинете, как обычно гоняет балду, и тут приходит школьный зам по безопасности, по кличке «Гоблин». В другой раз расскажу, чем он заслужил такое прозвище. Это слишком долгая история.

В общем, Гоблин выбрал восемь человек из класса и заставил их идти сдавать тест на наркотики. Максим был в их числе.

Ох, вы бы видели, какие у этого торчка были испуганные глаза. Когда они ушли, я уже представлял, как собираю передачку Максиму в колонию. Прошло 10 минут урока и тут я вижу такую картину. Сначала громкий топот за дверь в коридоре, а потом Максим всовывает свою ушастую голову в дверь и кричит:

– Два кокаина, три гашиша.

Потом садится ко мне.

– Ты придурок совсем? – спрашиваю я его, – ты как здесь оказалась?

А он мне отвечает.

– Да я когда они вышли, отстал немного и во дворы свернул. Ну а потом и здесь оказался.

В общем, пронесло Максима, нечего добавить. Удача улыбнулась ему в очередной раз. Но все-таки, продолжим нашу историю. Я пришёл к Максиму и тот по-хозяйски угостил меня чаем. А потом мы сели за кухонный стол, и он выложил на него 4 белые капсулы. Ну и мы, недолго думая, как писала пост-революционная поэзия, начали наводить марафет. Как там писал наш любимый поэт Маяковский?

"Ночь зацветает неоном покойницей,

Пыль кокаина щекочет ноздри,

Юноша бледный с глазами покойника

Ритм заколачивает, как гвозди."

Первые две капсулы кофеина Максим высыпал на стол и ловко сделал из них 4 одинаковые дороги. По две каждому.

– В этих двух дорогах 250 миллиграмм кофеина, что равно суточной дозе для человека. Сейчас мы с тобой назально употребим по две дороги, а потом сожрем по одной капсуле. То есть в итоге, таким образом, мы ускорим наступление эффекта, продлим его и сделаем намного сильнее.

Ноздри забылись у меня под завязку и их неприятно щипало. Жутко хотелось высморкаться.

– Через сколько мне можно будет высморкаться? – спра-

шиваю я у него.

– Ну-у-у, минуток через десять, а что, жжёт? – с издевкой спросил он.

– Угу.

Максим начал хохотать и тыкать в меня пальцем. Какой же он все-таки идиот. Торкнуло меня через минут 30, и торкнуло сильно. Мы с Максимом начали как сумасшедшие бегать по его квартире и танцевать. Танцевать без музыки какие-то безумные танцы безумных людей. Потом пришла мать Максима, и Максим буквально выгнал меня из своей квартиры. Чувствовал я себя паршиво. Энергия заполняла меня, как ток заполняет высоковольтные провода. От злости я с разбегу пнул стеклянную бутылку, которая стояла у подъезда. Бутылка полетела в чей-то балкон, и брызнула в мою сторону мелкими осколками. Я со всей мочи ринулся в соседний двор. Когда сел на лавочку, я почувствовал мягкое успокоение. Руки немного тряслись тогда, но это ничего. У меня они всегда трясутся.

На вот, посмотрите.

«Куда мне себя деть в 7 часов вечера?», - думал я тогда. В этом дворе я не был не разу. Будто его и не существовало вовсе, хотя находился он все время рядышком с моей привычной мне тропинкой. Голова немного гудела, но чувствовал я себя достаточно неплохо.

Так и сидел я на лавочке, запрокинув голову глядя на небо. И глядел бы я так до глубокой ночи не двигаясь, но

во мгновение мир немного переменялся. Я сразу подумал, что это кофеин шалит, но, когда услышал стук каблуков об асфальт происходящее стало мне гораздо яснее.

– Сладкий, у тебя сигаретки не будет?

Господи, у кого-нибудь в этом мире будут сигареты или нет.

Я смотрю на неё. На ней тёмные очки, короткое шорты и черная майка. Красивая девушка. Без всяких "но" красивая. Лет 25.

Я протягиваю ей сигарету. Она улыбается и садится ко мне на лавочку. Не знаю почему, но в голове возникло ощущение, что она умеет пользоваться мужчинами. Даже так: умеет распоряжаться мужским вниманием. Эта интересная женщина села совсем рядом. Властная женщина. Знает явно себе цену.

– Ты откуда такой расслабленный? – спросила она.

– Знаешь, – аккуратно переходил я на "ты", – иногда человеку, чтобы быть расслабленным, важна не точка отсчёта, а конечная цель.

– О как, – сказал она, выпуская струйку дыма, – и какая у тебя конечная цель?

– У меня с новой девушкой первое свидание.

– Ух ты, – сказала она, улыбаясь, – а ты её сильно любишь?

Она говорила так легко и непринужденно, постоянно меняя расположение своих ног. То правую на левую, то левую на правую положит. А улыбалась она очень любезно.

У неё была улыбка как у моей матери, и от лица её веяло какой-то... материнской любовью что ли. Мне стало даже немного стыдно, что я перешёл с ней на "ты".

– Не знаю, я вообще не решил, люблю я её или нет.

– Странно, я думала всегда, что с не любимыми девушками на свидания только от отчаяния ходят, а ты не похож совсем, на отчаявшегося.

– А что в твоём понимании "отчаявшийся парень"?

– Ну-у-у-у, был у меня один знакомый. Парень со своими причудами. Он был слишком высокого мнения о себе и поэтому ужиться с другими людьми ему совсем не удавалось. Вечно его все не устраивало. То шутит кто-то плоско, то говорит не остроумно. В общем, от людей его подташнивало. Но ты думаю не маленький и сам понимаешь, что мужчина без женщины ну уж совсем беда. Так он и начал. С той на свидание сходит, с этой. А чувствует все равно себя паршиво. Потому что не любит. Помню, приеду к нему, а он мне коленки обнимает, плачет и причитает: "Настенька, солнышком моё, ну скажи мне, что со мной не так, а? Ну почему я не могу иметь простое человеческое счастье". В мире куча народу ищет себе пару из-за отчаяния. Страх того, что ты останешься одиноким и никому не нужным – это, наверное, общечеловеческая современная черта. Как думаешь, сколько народу встречается и женится из-за отчаяния? Да куча. Куда не глянь, везде разводы, одинокие мамы и мужья с женами, спящие на отдельных кроватях и живущим

как квартиранты, объединенные лишь одним – рожденными ими детьми. От отчаяния мы не знаем куда себя деть и вечно пытаемся себя куда-то определить, слепо веря в то, что создавая видимость удовлетворения мы сможем быть счастливыми.

Она говорила это все так спокойно, что мне даже показалось, будто я нахожусь в фильме, и она отыгрывает свою роль, безошибочно произнося свою реплику по сценарию.

– Мне кажется, я отчаявшийся парень, как у куча других на этой планете. И даже знаю почему так, – говорил ей я.

– Поделись, – сказала она и оперлась головой на правую руку.

– Мне кажется, человек сейчас желает все упростить. Сделать реальность удобнее и компактнее, что влечет за собой упрощение его чувств и мыслей. Такой, некий духовный декаданс. Есть всё, удобно и доступно, а ценности в этом нет. От того и отчаиваешься.

– Тут согласна. Иногда такое ощущение, знаешь, что люди пытаются убежать от жизни, а от её не нужно бежать. Мы все пытаемся как-то её облегчить. Вместо пешей прогулки мы выберем такси, вместо размышлений и мечтаний мы глушим себя музыкой, сериалами и кино; вместо знакомств и общения в живую, мы выбираем сети. Как ты и сказал. Наша жизнь упрощается, как и упрощаются наши чувства, наши эмоции, наши ощущения. Мы всячески режем горизонт нашей реальности и даже не замечаем, как жизнь становится

все менее осмысленной и более примитивной. Жизнь, как у всех, как и везде. Вот что у нас за жизнь.

Она посмеялась про себя и сделав последнюю затяжку, выкинула окурочек.

– Знаешь, вот от таких размышлений, – заговорила она, – чувствуешь себя такой ничтожной, будто ты едешь в поезде, а у поезда сломался стоп-кран, и вы летите на безумной скорости черт знает куда.

– Ещё здорово, – продолжаю я, – когда закуливаешь и чувствуешь себя таким счастливым, но и одновременно таким жалким и глупым, от осознания того, что для счастья тебе нужна лишь одна белая маленькая палочка. Вот обычно, что нужно для счастья человеку. Нужно событие, которое либо происходит, либо ты в его предвкушении. А тут раз, покурил и счастлив. Вот дурость, а не существование.

Она улыбнулась. Шальной ветерок игрался с выпавшими из пучка собранных волос прядями, а её бордовый ногти отбивали ритм на лавочке. Она о чем-то задумалась, глядя на небо. Пару раз, она пыталась начать разговор, но в последний момент что-то её останавливало. Я решил начать его сам.

– Чём занимаешься в жизни?

– В каком плане? – удивлено спросила она.

– Ну, работаешь или... короче, как время свое каждый день проводишь?

– А, ну я так скажем, – сказала она и задумалась, будто подбирая нужные слова, – в общем я оказываю услуги. Это

моя работа.

– Что за услуги?

– Интимного характера.

– Ого, здорово.

Я даже немного вздрогнул от её слов.

– Правда. Я думала, ты начнёшь лицом кривить. Но вообще, я на третьем курсе филфака. Сейчас пока лето, приходится больше работать, ибо во время учёбы это совсем не удобно.

– Ты не из Брянска выходишь?

– Во время учёбы в Москве, в общежитии. А на лето здесь, у матери. Моё московское, если можно так выразиться, "агентство", меня здесь пристроило. Платят, конечно, меньше, чем в Москве, но что поделать, нужно копить, а если буду в Москве жильё снимать и одновременно работать, то так и не накоплю ничего.

– Ты, я вижу, немного в шоке, – продолжала она, – прости, я не хотела тебя смущать.

Ее образ властной женщины сыпался, как сыпется песчаный замок из-за морского ветра.

– Да все нормально, просто я немного задумался, – говорю я и пытаюсь осмыслить свое положение в этом диалоге.

– Понимаю, обычно у людей всегда много вопросов, по поводу моей профессии. Можешь спросить, что тебе хочется.

– Да я вот думаю, как сформулировать. В общем, я сейчас

Мураками читаю...

– Гадкий писатель, – перебила она меня.

– Это ещё почему?

– Он ничего не понимает в девушках. Навыдумывает каких-то кукол, которые общего с реальностью мало имеют. Поэтому и девушки у него такие, что смотришь на реальных и от них грустно становится. Романтик хренов. Но это ладно, ты продолжай.

– В общем читаю я книгу, "Денс, Денс, Денс" называется, и главный герой там задался таким вопросом, мол как отличается секс у проститутки с клиентом и секс с любимым человеком. Я дальше не читал и не знаю, может он даст какой-то ответ на этот вопрос, но хочу узнать у тебя.

– Ну как тебе сказать, – сказала она, посмотрев в небо, – Могу метафору привести. Вот представь, что секс с клиентом, это будто ты книгу пишешь, а когда с любимым человеком – то книгу читаешь. С любимым человеком ты будто в приключении, и я не про физическую сторону этого процесса, а про, если можно так выразиться, духовную. А с клиентом ты в роли рассказчика, который создаёт историю. Вот и все дела.

– Красивая метафора, -качая головой ответил ей я.

– Ну а хули, филфак, – сказала она с улыбкой выпрямляя плечи.

Мы вместе засмеялись.

– Тебя ведь Настей звать? -спросил я.

– Угу, – вытягивая губы уточкой отозвалась она.

– Знаешь Насть, я раньше мечтал о том, чтобы жениться на проститутке.

– Х-а, это ещё почему? – кокетничая отвечала она.

– Не знаю, мне кажется, это была некая форма протеста, – я ненадолго задумался, – знаешь же, как нас родители воспитывают. Будь хорошим мальчиком, найди приличную девушку. Хозяйственную, чтоб без вредных привычек, да и вообще дома сидела, нигде не шлялась. А мне хотелось им показать, что любовь, это не когда ты пришёл в магазин и выбираешь себе товар по каким-то качествам. А то выходит, будто мать за сметаной послала, и при этом ещё на бумажке написала какую марку купить.

– Был у меня один клиент, – резко подхватила она, – дядя Миша я его звала. Лет ему 40 было, так он хотел на мне жениться, говорил мол, ухаживать за мной хочет, жалко ему меня, боится, что такая красотка пропадёт. Может ты тоже хотел, так скажем, проявить любовь к слабому и униженному обществом существу?

– Может и так. Я вообще очень жалостливый по натуре, – отвечаю ей я.

– Ты чувствительный. Это очень инфантильная черта, но если бы не она, я бы к тебе не села. Я-то в тебе это сразу разглядела. Даже то, как ты сидишь, в тебе это выдаёт.

Я попытался осознать свое положение на лавочке, но кроме ощущения комфорта, обнаружить больше ничего не сумел.

мел.

– А что не так с моей посадкой?

– Да все с ней так, просто ты сидишь, словно волнуешься занять много места в пространстве и кого-то побеспокоить, вот и все.

– Странная ты, – хмыкнул я.

– А ты очень мне нравишься, – прозвучало из ее бордовых губ.

Я тогда почувствовал кое-что. Что-то очень личное. Извините, но не могу вам рассказать. Боюсь, что если расскажу, то больше никогда не почувствую.

– Ой, смотрите, как покраснел сразу, – говорила она. Она улыбалась так искренне, как никогда мне никто не улыбался.

– Ты тоже очень милая и красивая.

Мы улыбались друг другу и мне было невообразимо хорошо с ней. Так легко и уютно, что казалось, будто мы с ней самые родственные на свете души. Мысли о том, что Настя сейчас возвращалась после своей "работы", где она возможно своими улыбочивыми губами ласкала чей-то скрюченный прибор, меня совершенно не волновали. Она выглядела как маленькая девочка, которой было очень одиноко, и она только что нашла друга. Полная ласки девочка, чьи глазки ещё не потеряли детскую искренность от таких взрослых человеческих гадостей, как жадность, притворство и злой эгоизм.

Тут у Насти резко зазвонил телефон.

– Так-с, подожди-ка, – сказала она и отошла от лавочки

на метров десять ближе к дому. Говорила она тихо и без былой радости в голосе. Слов я особо разобрать не мог, но из обрывков фраз было ясно, что звонят по "работе".

Потом она вернулась, но уже с наклеенной на лицо улыбкой.

– Мне нужно к родителям, они попросили меня продуктов купить, – говорила Настя, обнимая меня. Она была ненамного ниже, и её голова как бы лежала на моем плече.

– Прости, что так резко покидаю, но вот так вот, – говорила она, поднимая плечи, – Да и тебе вон на свидание надо.

– Это да, – сказал я, пытаюсь приклеить себе такую же улыбку, как у неё.

– Ну ладно, – глядя куда-то в сторону, произнесла она, – Может когда-нибудь ещё свидимся.

– Может и свидимся.

Мы в последний раз обменялись нашими наклеенными улыбками, и она ушла.

Я не злюсь на неё за то, что она соврала насчёт звонка, ведь я сам соврал, что иду на свидание, но мне кажется, она это без проблем поняла, ведь кто, как не проститутки, разбираются в мужских действиях и словах. В любом случае, она ушла и вряд ли я её больше увижу.

Да, вряд ли я еще увижу...

Вам, наверное, интересно, что со мной было дальше. Ну я вам расскажу. Как оказалось на следующее утро, вечер предыдущего дня был последним июльским днем. Август

без особых разговоров переступил через порог, и не разуваясь, прошёл ко мне в гостиную. Август холодно поцеловал мои пестрые губы, но сделал это даже не из вежливости, а больше из жалости. "Кофе можно?", – спросил он меня, глядя в мои сонные глаза. Я вышел в кухню и долил кипятка в остатки моего утреннего кофе. Когда я вернулся, август ушёл. Ушёл тихо. Ушел, не закрыв за собой. Ушёл так, как уходят девушки, которых ты разлюбил. Они ведь, девушки, всегда чувствуют, когда их не любят, но сами себе в этом никак не хотят признаваться.

Из комнаты пропали статуэтка танцовщицы, пустые бутылки, пластинка Пола Макартни и зажигалка zipro, на которой я когда-то вырезал сердечки шурупом. Вот вам и гости. А жизнь продолжалась. Жизнь неплохая, я бы даже сказал: "Лучше, чем у других". В будущее я не смотрел, да и вам не советую. Ничего там хорошего нет, даже и не ищите. А если все-таки найдёте, то рискуете потерять то самое злополучное "сейчас", ради которого и затевался весь балаган с вашим рождением и вашей смертью.

Прогулка

Помню как-то в лет четырнадцать одну книжку читал. Книжка что надо. Я тогда сох по одной девчонке и все казалось мне таким серым и медленным, а мысли все время приходили лишь к одной ей единственной. Ну сами знаете как это бывает. Помню ещё, я тогда вышел прогуляться, и на одном из деревьев ножиком вырезал "свобода = жизнь". Не помню, что для меня тогда это высказывание значило, но явно не то, что оно значит для меня сейчас. Так вот, в той книжке была одна занимательная цитата. "Если девушка приходит на свидание красивая – кто будет расстраиваться, что она опоздала?". От этой цитаты мне всегда становится спокойней. Обычно, когда я жду женщину, ощущение такое, словно все это происходит не со мной. Ощущение, что мне все это снится. И обычно, когда увидишь её, как она лёгкой походкой приближается к тебе, это ощущение совсем уходит, а на его место приходит привычное любому парню ощущение, которое я шутливо прозвал: "Проверка экипировки перед покорением женских сердец". Пытаешься сделать более мужественное лицо, выпрямить спину, ну и конечно же уследить за улыбкой, чтобы она была не слишком весёлой и придавала лицу больше загадочности.

Длинноногая девушка, с грациозным именем Ангелина, уверенной походкой двигалась к моему столику. Я её сразу

и не заметил.

Да, фигура у нее была что надо. Но больше всего, конечно, меня влекли ноги. Она молодчина, знает, чем блеснуть, поэтому и юбка у нее еле прикрывала трусики. А лицо у неё было обычное. Красивое, бесспорно, но ничего выделить не получалось. Просто красивая и все тут. Разве что была родинка у неё на щеке. Если бы не она, то Ангелина выглядела бы на года два старше. Маникюр у неё был темно розовый. "Под цвет сосков", – как выразился один лысый парень в чёрных очках из фильма, который я смотрел ещё в далёком пятом классе.

Вот досада, я второй раз за сегодня не могу вспомнить названия произведения, откуда я беру цитату. Может, я сам их придумываю?

Да нет, тот лысый парень ещё в "Форсаже" снимался. Чёрт возьми, ну как же его звали то.

– Приветтики, – сказала мне Ангелина.

– День добрый, – приподнимаясь со стула, с улыбкой говорю я.

Мы пожали друг другу руки.

Знаете, наверное, эту дилемму, когда не понимаешь, можешь ли обнять девушку или нет. Хочешь, а не можешь. Но Ангелина лишила меня возможности выбора и протянула руку, как только приблизилась ко мне на метр. Обычно, когда жму руку девушкам, ощущаю себя так, будто отодвигаюсь от неё на целый километр. И говорить уже с ней не хо-

чется, а слушать её и подавно. Лучше бы мы вообще никак не поприветствовались, чем так.

– В тиндере было написано, что ты можешь придумать про меня стишок, – говорила она игриво.

– Так-с, дай-ка подумать, – я глянул ей прямо в глаза, – Ага, ну слушай.

Моя больная голова нещадно рифмовала Ангелина/вагина, но я всячески отстранял от себя эту ассоциацию. Нужно было что-то более романтическое и я выдал ей:

Глаза гроза

А сердце льдина

Но красу ног твоих

Не нарисуешь на картине
Как ты вошла

Сердце штормит неумолимо

И все поёт, поёт неумолимо

Поёт мне имя "Ангелина".

Какую же банальщину я из себя выдал. Ангелина засмушалась и начала улыбаться.

– ох, ну спасибо, мне очень приятно.

– Да ладно, не за что. Ты будешь что-нибудь заказывать?

– Да не, мне чёт ничего не охота. А ты?

– Да я как-то тоже не голоден.

Мы поймали неловкое молчание, которое обычно всегда получается, когда люди впервые видятся.

– Расскажи о себе, – спрашиваю я.

– Ох, ну я прям даже не знаю, может ты лучше поспрашиваешь.

– Н-у-у, расскажи мне про учёбу свою.

– Ой, ну я учусь на графического дизайнера в колледже. Учиться мне безумно нравится. Даже больше скажу. Колледж -это мой родной дом. Очень уютное и приятное место. Преподаватели там просто класс. Такие, знаешь, понимают тебя и всячески пытаются помочь в творчестве. Ещё знаешь... Блин.. Ща, слово забыла, – она начала кусать губы, – ну в общем, помогают адаптироваться именно под будущий рабочий процесс.

– Это здорово. Такое редко где увидишь.

– Это да, у меня ещё одноклассники топовые, – как же давно я этого слова не слышал, – они всячески стимулируют меня к развитию. В-о-о-т. Мы с ними часто делимся опытом, да и вообще болтаем о всяком.

– Понятненько. А я в колледже на программиста учусь. Не могу сказать, что мне нравится, но я еще и не решил куда и чего мне деваться, поэтому пока побуду программистом.

– Ясно, а я вот дизайнером всегда быть хотела. Рисовала

с детства.

– Я бы тоже хотел уметь рисовать. Жаль в детстве меня отдали на футбол, а не в художку.

– Н-у-у, блин, сочувствую, конечно. Но это не так легко, как ты думаешь. Я долго училась рисовать. Знаешь, сколько трудов мне стоило туда попасть. Это ужас конечно.

– Расскажи.

– Ох, ну в общем я много тренировалась, доп курсы всякие посещала, ну и-и-и... В общем гоняли меня по полной программе. Но за то сейчас у меня очень высокий уровень, я могу показать мои работы.

– Давай.

Ангелина взяла свой айфон со стола и начала показывать мне свои работы. На картинках были иллюстрации к обложкам журналов и просто какие-то рисунки насекомых и абстрактного вида городов, в стиле Бернхарда Фогеля.

– Вот эта мне очень нравится, – говорю я, указывая пальцем на картину города, нарисованного розовым. По стилю архитектуры он напоминает барокко.

– О, это тоже одна из моих любимых. Я с ней конкурс колледжа выиграла.

– Вау, это довольно престижно, наверное.

– Да, ещё как. Награждение было очень здоровским, мы ездили специально в какой-то театр для этого.

Мы опять замолчали. Я пытался прочитать названия декоративных книг, что стояли на полках в кафе. Все они были

на иностранных языках. Китайский, французский, английский и немецкий. Ангелина пялилась в свой телефон. Она с кем-то переписывалась и хихикала.

– Может ещё что-нибудь спросишь? – оторвавшись от телефона говорила она.

– Х-м-м-м, ну, например, я тут недавно смотрел короткометражки всякие, и мне как-то захотелось что-то свое снять. Тебе никогда не хотелось снять фильм?

– Да, конечно, хотелось, я об этом часто мечтаю.

– А о чем он будет?

– Ну как сказать, о подростках, о дружбе там, любви. Что-то в стиле "Скама" или "Ривердейла". Ещё знаешь сериал такой, "Острые козырьки" называется. Вот очень классный сериал. Я бы тоже хотела что-то подобное снять.

– Ну не знаю, мне показалось, что "козырьки" так себе. Ощущение сложилось при просмотре, что диалоги в фильме писал мой десятилетний брат. Да и сюжет такой банальный и предсказуемый, что после просмотра такое ощущение складывается, что ты просто спустил свое свободное время в унитаз. Ну в общем, по мне гадость редкостная. Если ты хочешь просто как-то скоротать время, то можно его глянуть, но, честно говоря, есть способы скоротать время и по приятнее. Хотя нет, у этого фильма есть один плюс, а именно Киллиан Мерфи. Он там хорош, это бесспорно.

– Ну знаешь ли, мне сериал очень понравился, и все твои доводы мне не ясны совсем. Я ничего там такого не замети-

ла , – говорила она немного растерянно.

– Ну, это лично моё мнение, – сказал я и после небольшой паузы продолжил, – а вообще, я хотел бы снять порно, но не простое порно, совсем не простое.

– В смысле порно?

– Ну смотри, вот ты же знаешь всю эту порно жвачку от «бразерс», которая собой представляет штампованные сюжетики, которые отличается разве что актерами и порядком поз. А мне хотелось бы снять что-то личное такое, знаешь, чтобы каждый мог себя узнать в моей картине, и чтобы лежащие внутри него чувства и ощущения сексуальной близости заполнили его при просмотре. Мне хотелось бы коснуться самых тонких струнок человеческой сексуальности, самых глубоких и фундаментальных ощущений. Моя картина будет неуклюжей и неудобной, покажет сексуальную близость так, как это бывает в первый раз, когда вы с партнёром ещё только изучайте эту поистине таинственную и одновременно старую как человек сторону жизни. Я даже сейчас говорю, а у меня мурашки по коже бегают. Ох, надеюсь я как-нибудь до этого доберусь.

Ангелина посмотрела на меня и развела плечами.

– Ну не знаю... порно... это как-то так себе. Странно, конечно, что тебе такое интересно.

– А что странного-то?

– Ну не знаю, просто как-то... ну... порно... это мне кажется гадким что ли. Ну не знаю, – приложив пальцы к ле-

вому виски, говорила она, – ладно, давай закроем эту тему.

– Да, окей.

И опять мы молчим. Я посмотрел на часы. Пол седьмого.

– Читаешь что-нибудь? – спрашиваю я.

– Ой, ну я много читаю, последнюю книгу знаешь какую читала? "Семь навыков высокоэффективных людей". Такая здоровская. Вот читаешь, и сразу меняться хочется. В общем советую очень. Я её всем-всем советую, ибо реально помогает.

– От чего помогает?

– Ну как, быть эффективной.

– Я не читал, конечно, но мне лично не нравится литература, где тебе навязывают какую-то модель поведения. Вот если автор просто расскажет какую-то историю, а ты уже сам выбираешь, что тебе нравится, а что нет. А тут тебя будто принуждают. Следуй тому, следуй этому. Мой один приятель говорил как-то, что все подобные книги можно уместить на десять страниц, убрав из них кучу воды, называемую "пояснениями". Как-то я помню читал книгу Дейла Карнеги "Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей", и в общем самое комичное было то, что её автор умер в несчастном одиночестве. Его книга базировалась на одной мысли: "Чтобы расположить к себе людей, дай им то, что они хотят". Я забросил книгу на половине, после того как на каждой странице меня преследовала это злосчастное правило, только все более и более разжеванное. Я считаю, что это

правило работает только тогда, когда ты пытаешься как-то не искренне расположить к себе либо потенциального полового партнёра, либо кого-то по работе. Друзей же ты себе таким макаром вряд ли заведёшь. И даже дело не в них, а в тебе. Ты будешь неудовлетворённым. Как можно быть с людьми, которые тебе не интересны. Это же какое-то духовное насилие над собой. Да и мне кажется, люди всегда чувствуют не искренний интерес. Если человек тебе не интересен, то не трать не него себя. В мире людей как грязи, и ты будешь интересоваться каждым с кем знаком.

– В принципе да, – сказала Ангелина, и продолжила переписку в телефоне.

Повисла новая пауза.

Знаете, иногда бывает так одиноко, даже в большом кругу друзей. Смотришь на них, друзей своих, а тебе тошно от того, что они говорят или делают, и тебе хочется закрыться от них и просто раствориться в тишине.

– Я в туалет и вернусь.

– Ага, – ответила она, не подняв взгляда от телефона.

Выйдя из кафе, я развернулся и посмотрел сквозь стекло на столик, за которым ещё минуту назад располагался. Ангелина что-то натужно читала в телефоне, периодически почесывая свой нос длинным ногтем на указательном пальце.

Перебежав через дорогу, я окинул взглядом улицу. Народу было много, и все норовили врезаться в меня. Я направился в давно полюбившийся мне парк, который находился

недалеко от сюда. Парк был, как и всегда в летнее время, наводнен зеленью и пением птиц. Если бы не дети с и их родителями, то можно было бы поверить, что ты находишься в дали от цивилизации в глухом лесу. Сев на лавочку, я решил хорошенько обдумать то, как мне провести остаток сегодняшнего вечера.

Можно было бы глянуть фильм.

Такс, что я себе там сохранил. В телефоне у меня было записано куча фильмов и от этого обилия стало даже как-то грустно. Пока просматривал все названия, наткнулся на "Доживем до понедельника" и сразу мне вспомнилась школа. Мы с моим другом Серёгой тогда в школе социальный опрос устраивали. Подходили ко всем и спрашивали: "А что такое любовь?". Как оказалось в последствии, никто особо и не в курсе, что такое любовь. Все говорили лишь о каком-то взаимопонимании и честности. Наш женатый историк Андрей улыбнулся и сказал, что не знает, что такое любовь, а трудювик Михаил Валерьевич (среди своих учеников "Михалыч") как всегда сделал мудрое задумчивое лицо и пошевелив усами сказал: "Ребята, посмотрите фильм "Доживем до понедельника" и все поймёте". Этот фильм я так и не посмотрел. Два года прошло, а я его так и не посмотрел. И, наверное, не буду. А то обычно, когда все понимаешь, становится уже и не интересно ничего.

Кино отпало, и я перешёл к книгам. Книг было тоже много. Достоевский, Буковски, Борхес, Керуак. Но после

"Москва – Петушки" Ерофеева читать мне ничего не хотелось. Хотелось бы попробовать "Слезу комсомолки". Её мне очень хотелось, а вот читать нет.

Осталось только гулять.

Недавно, нашёл для себя один забавный маршрут для прогулки. Название пока ему не придумал, но суть заключается в том, чтобы посетить как можно больше мест, которые как-то связаны с женщинами, которых я когда-то любил. Благо, небольшие размеры моего городка мне это позволяют.

В своей жизни я влюблялся 4 раза. Достаточно неплохо для шестнадцати лет. Некоторые и за всю жизнь столько не набирают. Хотя, не могу сказать, что горжусь этими цифрами. Просто они есть и все тут.

Что я чувствую, проходя по этим местам? Знаете, такое интересное ощущение, будто пришёл немного раньше назначенного времени и ждёшь своих спутниц, а они все никак не приходят. Ты смотришь на пустую улицу, в надежде увидеть их тонкие девичьи тени на асфальте, но в ответ тебе лишь светит фарами проезжающая на встречу машина.

И вокруг тебя нет ничего. Только давящая маслянистая тишина.

Первым таким местом была лавочка около подъезда моей третьей возлюбленной. Высокой и худой девушки, с рыжими волосам и острым носом. У неё был ужасный музыкальный вкус, но невероятно красивые руки. Таких рук я больше ни-

когда в жизни не встречал. Очень нежные и аккуратные руки. Я помню, как однажды, в седьмом классе, когда мы сидели на этой лавочке, я оставил запись в заметках. По содержанию было что-то примерно такое: "Сейчас я слушаю музыку в её наушниках, которая играет в моем телефоне. Я смотрю на неё и люблю. Мы с ней даже не друзья, но я люблю её как давнюю подругу, как что-то близкое. Я знаю, что мы не будем вместе и я не хочу этого сам, но чувствую, что она лучшее из того, что сейчас происходит рядом со мной. Я ценю этот момент – он прекрасен... "

Тогда я ещё не понимал, любил я её, или нет. Но быть с ней я не хотел. Она казалась мне одноразовой и не подходящей для меня, как девушка. Просто человек, который может заполнить пустоту моего дня. Я не страдал по ней. Скорее это была просто плотская любовь. Любовь, рождённая от желания тепла женского тела. А на такой любви далеко не уедешь.

На лавочке я долго засиживаться не стал. После дождя она была мокрой и холодной.

Следующим местом путешествия был недалеко находящийся от лавочки дом моей второй возлюбленной. Помню, ещё в далёком пятом классе, я написал ей во "Вконтакте": "I love you (В любом смысле этой фразы)". Сейчас мне немного стыдно за этот пафос. Я когда ей сообщение отправил, кинул телефон под подушку, а сам на речку ушёл. Сидел на пригорке и смотрел, как большие ветви деревьев плывут по те-

чению. Не могу точно вспомнить мои мысли, но отчётливо мне запомнилось то, что после этого признания я чувствовал себя невероятно легко, будто гору с плеч скинул.

Когда пришёл домой, я прочитал все, что она мне ответила. Она была очень взбодоражена моими откровением, но так как у неё уже был парень, она предложила мне просто остаться друзьями. Я согласился. И в этот момент, когда я согласился, что-то рухнуло во мне. Будто в тёмную шахту лифта с последнего этажа упал полный еды холодильник, заканчивающий свое падение невероятно громким грохотом. И после этого падения, я её разлюбил. А через год она вообще стала мне противна.

Её дом так и не поменялся. Я в нем не был никогда, но от его вида мне становится как-то легко, будто я снова сбросил с себя груз тяжелого молчания.

Я вообще в жизни все время молчал о своей любви. Влюбляться для меня всегда было тягостью.

Постояв ещё немного, я огляделся по сторонам и направился к следующему месту. До него путь не близкий, поэтому, когда я там окажусь, будет уже потихоньку темнеть.

Недавно заметил, что прогулкой можно по-настоящему насладиться только тогда, когда гуляешь один. Я имею в виду то, что, когда мы гуляем с кем-то, мы наслаждаемся человеком или обществом нескольких людей. Грубо говоря, мы наслаждаемся атмосферой, что создают нам люди. А когда ты гуляешь один, твои мысли никто не перебивает, и ты мо-

жешь пустить их в свободное плавание и насладится окружающими пейзажами.

Тут только главное отказаться от музыки. Она сбивает меня с мысли. Музыка ведь, продукт ощущения, её чувствовать нужно. Поэтому, когда я хочу остаться наедине со своими мыслями, я выключаю музыку.

Её, музыку, нужно осмыслять позже, когда ты её прослушал. А когда все переосмыслил, послушать снова и она уже зазвучит намного иначе.

Хотя, мне кажется, это правило относится и к кино, и к книгам. Обычно размышления во время просмотра и во время чтения – очень смазанные и сразу даже и не понятно: нравится тебе или нет. А вот после, когда ты все полученное переваришь, ты способен уже сделать вывод.

На встречу мне идёт девушка. У неё красивые голубые глаза и светлые волосы. Сколько их прошло сегодня рядом со мной и сколько ещё пройдёт.

– Девушка, извините, а который сейчас час?

– Половина восьмого, – отвечает она удивлённо, – так у вас же у самого часы есть.

– И правда, чего это я, – сказал я, взглянув на свои часы, – ну ладно, хорошего вам вечера.

– и вам.

Она улыбнулась и пошла дальше. Мне очень захотелось влюбиться в неё. Хотелось грустить из-за неё, скучать по ней. Но я не влюбился. Поэтому и шёл дальше.

Я совсем не ощущал ход времени. Просто что-то происходит, и я являюсь всего этого непосредственным участником. Время не властно над человеком, которому некуда идти. Обычно, я замечаю время, когда захожу в магазин купить перекусить, потому что, когда выхожу из магазина, светлый день сменяется сумерками. Так я узнаю, что на улице девять часов.

До места оставалось каких-то пару шагов. Из кустов на меня глядели дикие розы. В первом классе, когда я впервые влюбился, я нарвал эти розы и хотел подарить их своей возлюбленной. Но испугался и не подарил. Чего я испугался? Я и сам не знаю. По итогам моего бездействия, она поцеловалась с моим тогда еще лучшим другом, и они начали свои отношения. Помню, мои родители и родители той девочки тесно общались, и когда она начала встречаться с моим другом, мама сказала мне, что ты ей, той девочке, раньше очень нравился, но из-за твоего к ней невнимания, она влюбилась в Артёма (моего лучшего друга). Я тогда помню, сидел в спортивных штанах в гостиной и от полученной информации не мог отвести взгляд от красного табурета, что стоял напротив дивана, на котором я сидел.

Я не заплакал тогда. А может и заплакал. Не помню. Но сердечко мне тогда точно разбили. Я потом много ревновал и злился, но в конечном итоге просто влюбился в другую. А в пятом классе мой лучший друг перестал быть моим лучшим другом. Тогда я впервые терял друзей. Причём все произо-

шло по вине наших родителей, личные проблемы которых отразились на моем товарище, после чего он от меня отвалился.

А вон и дом моей первой любви. Правда, она как 7 лет там не живёт, но я хорошо помню её окно.

Ну что-же, осталось ещё одно место, до которого я сегодня уже успею добраться. Оно, наверное, самое важное и памятное из всех.

В нем нет ничего особенного. Это просто поворот, на котором мы встречались с моей четвёртой любовью. С самой сильной любовью моей жизни. Любовью, которая изменила меня раз и навсегда. Здесь я ждал её, а иногда и она ждала меня. Когда она шла мне на встречу, я всячески старался ей улыбнуться, чтобы показать, как я рад нашей встрече. Она всегда шагала очень медленно, никуда не торопясь, и вставала на носочки, обнимая меня за шею. А потом мы брались за руки и шли на прогулку. И так каждый день. Всегда, когда прихожу сюда, меня не покидает мысль, что возможно она здесь появится, и мы снова пойдём гулять.

Как-то в один вечер, я ждал на этом повороте и сочинил про неё небольшой стишок.

"Духов твоих горький привкус на языке

Ночь рассталась со мной

Сонным взглядом рисую твое лицо

Твои трусики пахнут весной"

Иногда мне кажется, что я все ещё люблю её. Правда, она мне больше не снится.

Но, в любом случае, у неё сейчас другой парень, и вроде бы ей с ним хорошо. Мне хочется верить, что она скучает и ей хочется снова быть со мной. Но сам я не совсем могу сказать, что хочу быть с ней.

Как же все в моей голове сложно. Будто я ромашка в руках белокурой девушки, которая отрывает от меня листочки со словами "Любит/не любит".

Пока шёл за поворот, поймал себя на ощущении, что мир стал невероятно серьёзным, а я так и с остался легкомысленным простачком, романтизирующим все вокруг. Наверное, взрослею. Но, честно говоря, я этому совсем не рад. Хотелось бы оставаться таким же легкомысленным романтиком, дабы весь мир не стал пресным и скучным. Хочется чувствовать, а не имитировать чувства. Хочется любить.

Я сделал напоследок крюк сквозь частный сектор и вернулся во дворик своего дома.

Небо было звёздным. Но из созвездий мне известна только большая медведица. Я лег на лавочку и включил Земфиру. Прогулка подходит к концу, как и в принципе сегодняшней день. Мне очень хочется, чтобы любимые песни никогда не надоедали. Это, наверное, главное желание за вечер. Пожалуй, я пойду. На улице стало достаточно прохладно, да и

комары уже давно бодрствуют.

Поднимая голову с лавочки, я заметил приближающийся вдалеке силуэт. Он, прихрамывая направлялся в сторону качелей.

– А я тут покататься пришла, – сказала лысая женщина, с непропорционально распухшим лицом и глазами навыкат. Это была моя соседка, у которой несколько лет назад диагностировали рак.

Я кивнул ей одобрительно головой.

Она хорошая. Месяца три назад отдала мне электрогитару, которую я так давно хотел себе купить. Она сделала это просто так, узнав от моей матери, что я хочу стать гитаристом.

Соседка качнулась пару раз, и потом слезла со словами: "На сегодня мне хватит".

Она стояла посередине площадки и смотрела на дверь подъезда. Потом резко повернулась и пошла в мою сторону.

– Слушай, а вы когда на море с семьёй поедете? – робко спросила она меня.

– Да скоро уже. Наверное, через неделю.

– На море хорошо будет наверно? – улыбаясь, говорила она. Было видно, что для улыбки ей пришлось потратить много усилий.

– Н-у-у-у... как и везде, – медленно отвечаю я, высоко растягивая свое "ну".

– Тут ты верно подметил. Куда бы человек не поехал, он

всюду таскает свое внутреннее состояние, от которого тяжело куда-то деться.

– Везде ты с самим собой, – заключила она.

Я улыбнулся и одобрительно закачал головой ей в ответ.

– Ну ладно, пока, – сказала она, и подняла в воздух свою правую руку.

– До свидания.

Она медленно захромала в сторону подъезда. Когда дверь подъезда закрылась, я подождал минут десять и поднялся к себе на квартиру. Мои родители уже как неделю уехали на море, и оставили меня совершенно одного. На столе меня ждала бутылка водки, которая осталась с тусовки с моими однокурсниками, устроенной мной несколько дней назад в квартире. Она выглядела так одиноко, эта бутылка, что мне стало так гадко и противно от себя. Я с ужасом представлял, что моя жизнь так и пройдет. В пустой квартире и с бутылкой водки на столе.

Тут резко зазвонил телефон.

– Эй, как ты там? – говорил приятный женский голос.

– Хуево, честно говоря.

– А чего это так?

– Мне здесь так одиноко, ты не представляешь.

– Зайка, я бы пришла к тебе, будь я не в сотни километрах.

– Я знаю, малышка, знаю. Ты как там?

– Да у меня тут много чего происходит. Представляешь, я целовалась с девушкой. Мы сидели с ней на вечеринке у зна-

комых, курили и целовались. Знаешь, мне, кажется, я влюбилась в неё немного. Она такая... она очень классная. Любит "Нирвану" и фильмы Кубрика. Я много рассказывала ей про тебя.

– И что рассказывала?

– Рассказывала, что ты лучше всех моих знакомых разбираешься в кино, и что лучше тебя никто про фильмы не рассказывает.

– Ну, ты тут, конечно, преувеличила, но мне приятно это слышать.

– Чём занимаешься, кстати? – спросила она.

– Да вот, сижу, думаю, чтобы мне съесть. А ты?

– Собираюсь на вечернюю прогулку.

– Здорово, – на тяжёлом выдохе отвечаю я.

Наш телефонный диалог замолчал. На другой стороне телефона был слышен звук застегивающейся куртки.

– Знаешь, – говорю я, – недавно такую вещь осознал, что человеку нужно всегда такое место, куда бы он мог вернуться. Чтобы по нему скучали, его ждали. Как говорится, человеку человек нужен. А если ты никому не нужен, то жизнь твоя становится такой, словно солнце больше никогда не появится и не наступит новый день.

– Зайчик мой, ты прав, конечно, но... ты ведь не можешь такого про себя сказать, что ты не нужен никому. Ведь так?

– Ну-у-у, я знаю только, что нужен тебе.

– Это правда. Ты мне очень нужен. Но кроме меня ведь

ещё кому-то. Как же Серёжа, Влад, однокурсники твои?

– С Серёжей и Владом я уже месяц точно контакт не поддерживаю, а с однокурсниками я могу только выпить. Вот и все.

– Напиши Владу и Серёже. Ты же скучаешь по ним?

– Скучаю.

– Ну вот и напиши. Я уверена, что они тоже будут рады тебя услышать. Люди все время боятся быть навязчивыми и из-за этого столько всего упускают в этой жизни. Поэтому не ссы и напиши.

Я хихикнул.

– Хорошо, напишу я напишу.

– Ну вот и молодец, а то раскис совсем. Ладно, я побежала уже. Не грусти мне там смотри. До скорых.

– Пока, солнышко, пока, – говорил с улыбкой я.

– Позвони мне завтра, хорошо? – попросила она.

– Конечно позвоню.

– Цел-у-у-ую.

– И я тебя.

В холодильнике я нашёл вчерашние макароны. Разогрев их на плитке, я сел за стол и начал есть.

Всё-таки, кто бы что не говорил, а жизнь любого мужчины определяет женщина. Хорошо у тебя с женщиной – тебе хорошо в жизни, ну а если с женщиной плохо, то наоборот. Забавно наблюдать, как несостоятельны идеи и размышления, перед обычными людскими чувствами. Поэтому я давно по-

нял, что влюблённый счастлив, но только по условию взаимной любви. В противном случае, ты рискуешь стать самым несчастным человеком на земле. Любовь, она ведь как то тёплое место, куда ты всегда можешь вернуться после трудного пути. Как пел давно почивший поэт, в этом мире есть только любовь и смерть. Больше в этом мире не во что верить.

Макароны закончились. За окном начался небольшой дождик. Завтра меня ждёт ещё одна бессмысленная встреча в кафе. Иногда мне кажется, что вся моя жизнь так и пройдёт за бессмысленными встречами в кафе и бессмысленными разговорами с моими собеседницами.

Один мой бывший одноклассник при встрече со мной сказал, что расстался со своей девушкой. Ещё он говорил, что все бы отдал, ради возвращения в те дни, когда он брал портвейн и при свечах трахался со своей бывшей в пустой квартире её родителей под "Radiohead". А в перерывах между еблей, они курили сигареты на балконе и болтали о самых простых вещах в этой жизни. Он её все ещё любит. И я не знал, как мне подбодрить его. Они расстались, потому что, как он сказал, они совершенно разные люди и им просто не по пути. Я не знал, что ему сказать на это. Не мог подобрать слов, потому что все мои слова ничего бы не стоили, по сравнению с тем, что чувствовал он. Поэтому я молчал.

Тут резко на мой телефон приходит уведомление. Кто-то оставил мне сообщение

В груди моей что-то с ревом рухнуло в желудок.

"Знаешь, мне кажется, я начинаю в тебя заново влюбляться... "

Вечернее кино

Одиноко человеку бывает достаточно часто. Одна моя подруга сказала однажды, что все мы одиноки. Рождаемся одни, живём одни и умираем одни. Иногда мне кажется, что мы просто привыкаем к тем людям, что есть с нами рядом. Нам нужны вещи, эмоции, ощущения, которые эти люди нам дать не способны, и от этого мы чувствуем себя одинокими. Нам хочется всего и сразу. Мы ненасытны, от того все наши проблемы.

У меня друзья давно кончились, и сейчас я располагаю быстрыми знакомствами в сети или звоню старым приятелям и перехватываю их на кофе с сигаретами. Я обожаю кофе и сигареты. Кофе придаёт хорошим сигаретам, извиняюсь за пафос, благородное послевкусие и смягчает неприятные нотки горения сигаретной бумаги. Обычно сигареты приношу я. Не потому что я щедрая душа, а потому что люблю курить сигареты только марки "Чапман". Думаю о себе они расскажут все сами, когда вы их закурите. Так же хотелось бы отметить, что курить соглашаются даже те, кто никогда раньше не курил. Мне кажется, в этом процессе есть что-то особенное, и даже необъяснимое, поэтому люди не отказываются.

Ну да ладно, не буду вам смазывать впечатления своими рассказами. Лучше сами попробуйте эту особую тёплую

связь между человеком, которую в последствии образуют два этих вредных, но и одновременно прекрасных и невероятно друг другу подходящих предмета.

– А-л-л-е-е-е-е-е, – игриво тяну я в трубку, – Наташа это ты?

На той стороне телефона приятный женский голос в унисон трезвонил мне свои короткие "але, але, але"

– Матв-е-е-е-й, а я думала ты уже забыл про своих одноклассников.

– Да не-е-е-е, ты что, бывает вижусь с кем-то из наших, даже собираемся выпить вместе. С Вовой, Владом и Кристиной недавно сидели в гараже. Ну ты помнишь наверно наш гараж.

– Да уж, такое не забудешь, – сказала она, громко вздыхая в трубку, что мне пришлось даже отстраниться.

– Ха-ха-ха, да, было дело. Кстати, никто так и не изменился. Вова разве стал более серьёзным и меньше глупостей говорит. Но да ладно, я вообще че звоню, не хочешь ко мне в гости, я макароны "баланезе" готовлю по своему фирменному рецепту, угощу тебя и кино посмотрим вместе. Согласна?

– Ох, какое интересное предложение. Позвонил бы ты раньше, я бы голову успела помыть. Ну ладно, ты все там же живёшь?

– Да. Ну так ты придёшь?

– Да приеду. Я вообще рада твоему звонку, я соскучился

уже.

– Да я тоже соскучился, вот и позвонил.

– Приятно это слышать. Ну в общем, я наберу, как буду у тебя на районе, выйдешь меня встретишь.

– Да, конечно. Жду тебя с нетерпением.

Она мило хихикнула.

– Скоро буду, не скучай, – сказала она и сбросила.

– Ес-с-с-с, – произнёс я, сопроводив этот возглас соответствующим ему победоносным движением руки.

Начинать готовить макароны до её приезда было бессмысленно, поэтому я решил пойти по разглядывать себя в зеркале.

Из зеркала на меня смотрело красивое смазливое личико 16 летнего юнца. Небольшие синяки под глазами продавали лицу большей загадочности, а в общем и целом мне оно нравилось. Спустя столько времени, мне нравится моё лицо. До 13 лет к нему совершенно ничего не питал, а после только ненавидел. Сейчас я его люблю и это меня несказанно радовало.

Я даже больше скажу. От принятия себя я стал во много раз счастливее. А счастье ведь, все время пытаются отобрать. Как в той песне поётся: "Ведь здесь все существует ради идеи превращения мира в тюрьму". Я знаю, что такое счастье. Иногда я бываю настолько счастлив, что мне становится на секунды страшно. Слишком маниакальное счастье, слишком неправдоподобное счастье. Но оно есть, я его чувствую. Так

мало нужно человеку для счастья, но как много нужно для того, чтобы это малое иметь.

Последний раз, кроме сегодняшнего дня, конечно, я был счастлив после комплимента от одной моей подружки. "Матвейка, у тебя такие красивые, будто женские ножки, и такая сексуальная попка. Попка четырнадцатилетней девчонки". Не знаю, что такого в этом комплименте, но от него мне стало очень тепло и приятно на душе.

Умеет же сердцеедка польстить, ничего не скажешь.

Пожалуй, нужно включить музыку. Альбом "Some girls" так и просился в комнату. Из динамика моего комбоусилителя, который я подключил к компьютеру, запел Мик Джагер. Я был доволен и даже пытался что-то напеть. На улице шалило вечернее летнее солнышко, и бросало свой мягкий свет кирпичами через мой балкон на кухню.

Я не писал ничего уже три дня, хотя обещал сам себе закончить все статьи до десятого. Я лентяй и от этого похоже я уже никуда не денусь. А раньше я был таким трудолюбивым мальчуганом, что все завидовали моему трудолюбию.

И дело даже не во вдохновении. Знаете, обычно писатели жалуются, что мол им сложно начать свое произведение. Слова на вяжутся, выходит одна мазня, ничего интересного и будоражащего сознание читателя не пишется. Так вот, хочу вас заверить, что самое сложное в писательском деле, это не начать, а вообще хотя-бы взять в руки вашу пишущую принадлежность и расположится с нею поудобнее. Столько вся-

ких сторонних глупостей тебя от этого отвлекают. Никуда от них не деться.

Тут меня прервал телефон.

– Матвеюшка, я уже выехала.

Помню, как ещё в школе Наташа меня так называла. Она нравилась мне очень сильно тогда и поэтому моё сердечко в те моменты просто лепетало прекрасные любовные мотивы. Может я её даже любил. Это я уже плохо помню.

– Замечательно, я пошёл надеваться.

– Хорошо.

Я решил надеть новую белую майку, чтобы она подчеркнула мои натренированные и загорелые на море руки. Ещё я решил надеть светлые джинсы. Я был похож на клишированного Дон Жуана из старых голливудских блокбастеров.

На улице было тепло, хотя я уже чувствовал прохладное дыхание ночи.

Минут десять ожидания, и Наташу привёз её отец на синем "сузуки". Через лобовое стекло было видно, что мой прикид, да и я сам особого доверия у него не вызывал.

Наташа почти не изменилась после года нашей разлуки. Все те же чёрные джинсы на высокой талии, та же кожаная куртка, те же кудри и тот же округлой формы нос. Мне всегда нравился её нос, хотя мои старые друзья говорили, что это её единственный изъян.

Наташа чуть ли не повисла на мне во время наших объятий. Было видно, что она рада меня видеть.

– А ты подрост, – сказала она, сделав губы уточкой.

– Может ты просто уменьшаешься? – смеясь, отвечаю ей я.

– Ха-ха, как смешно, – закатив глаза, сказала она. Она делала это так элегантно, будто уже отработала этот жест до нашей встречи.

– От тебя так замечательно пахнет. У меня теперь куртка будет всю неделю пахнуть тобой, – говорю я ей

– Мне тоже нравятся эти духи, мама подарила на день рождения.

Я открыл дверь в подъезд, и мы с ней поднялись на мой этаж.

– У вас тут какие-то аристократы живут что ли? Везде картины висят, растения разные. Прямо элитный подъезд.

– Х-а-х, есть такое, – вообще у меня весьма забавные соседи.

– Расскажи.

– Ну, за одной стенкой от меня живут два гея постановщика спец эффектов в кино, за другой стенкой живёт любитель джаза и у него часто на всю квартиру играет Джон Ли Хукер или Литл Ричард...

– Стой, серьёзно геи?

– Они ещё при этом бухают не просыхая, и когда встречают меня на лестнице, предлагаю зайти, чтобы я выдал им музыкальное сопровождение на электрогитаре под звяканье их стаканов.

– Ты я надеюсь не ходил?

– Ха, нет, не ходил.

Мы улыбались и смотрели друг на друга.

– Так вот, – продолжаю я, – ещё рядышком живет сумасшедшая бабка, – которая какое-то время стучала любителю джаза по двери железным молотком для отбивания мяса, потому что считала, что он посылает сигналы в Америку. Шпион, короче говоря. И в общем от этих сигналов у мужа бабки голова болит.

– Кошмар, – сказала Наташа и вздохнула, – И чем все кончилось?

– Да хрен его знает как все это решилось, но она больше не стучит.

– Хорошо, что я живу в частном доме, и мне соседи не грозят.

– Это верно, конечно.

Зайдя в квартиру, я скинул кроссовки и помог ей снять куртку. Она в этот момент так игриво улыбнулась и сделала бровями быстрое движение вверх-вниз. Я проделал тоже самое. Помню в школе мы часто на уроках смотрели друг на друга и делали это движение, пока кто-то из нас не отведет взгляд. Наверное, это считалось что ты проиграл, но понять это нельзя, потому что никаких договорённостей не было.

Мы пришли на кухню и начали болтать. Болтали о школе. Сначала о том, что происходило в десятом классе, в который я не пошёл, уйдя в колледж, потом о том, что было в

школе еще при мне. Обсудили наших одноклассников, Наташа немного посплетничала. И все-таки, она изменилась. Стала как-то более увереннее в себе, когда что-то рассказывала. Стала серьезнее, рассудительнее. Похоже все мы стали серьезнее после 9 класса. Это здорово конечно, но я иногда скучаю по той лёгкости и наивности шестого, седьмого или того же девятого класса. Скучаю по тому ощущению, когда твои одноклассники становятся не просто твоими одноклассниками, но ещё и друзьями, которым ты интересен и с кем можно провести время. Сейчас же одноклассники для меня будто ограждены невидимой стеной, и связь между нами уже имеет совершенно другой характер, нежели раньше.

Мы начали готовить. На Наташе были макароны, а на мне паста. Пока Наташа кипятила воду, я уже закинул фарш на сковороду. Подождал минут пять помешивая его, пока он не подрумянился, а потом добавил густого домашнего томатного сока и лука. В это время уже был готов кипяток в чайнике, и им я обдал заранее нарезанные помидоры в миске. Подождав минуты две, я слил кипяток и выложил помидоры к мясу. Минут 5 готовки и можно было снимать.

Пока я кулинариничал, Наташа уже варила макароны, как я ей объяснил, до состояния "аль денте". Это когда макароны внутри остаются недоваренными. Про это я вычитал на упаковке пасты от фирмы "Барилла". На кухне играли "Битлз". Мы с Наташей пританцовывая, опирались друг о друга спиной и пытались повторить движения друг друга. У неё

было приятное упругое тело, кожа, цвета молочного какао и аккуратные родник на ключицах. От таких близких танцев я даже слегка завёлся. Мы были похожи на парочку, которая после работы готовит себе ужин. Быт ещё особенно не испортил наши отношения, и они все также полны лёгкости и ребячества.

Когда все было готово, я снял сковородку и добавил домашнего вина, попутно все перемешивая. Наташа выложила спагетти в две большие тарелки, а сверху уже я добавил моей пасты.

Получилось весьма привлекательно и аппетитно.

– Господи, как же это вкусно, – говорила Наташа, наматывая макароны на вилку.

– Я совсем забыл пармезан, – сказал я и ринулся в холодильник за заготовленным пармезаном.

Ужин получился то, что надо.

– Ты, кстати, уже выбрал кино? – спрашивает она меня.

– Да вроде выбрал, а ты хотела что-то свое предложить?

– Да нет вроде, просто хотела узнать, что может ты выбрал то, что я уже смотрела. Я, кстати, читала твои статьи про кино и хотела тебе идейку подкинуть.

– Ха, ты правда читаешь все, что я пишу?

– Конечно, мне нравится читать про кино. А твои статьи не просто констатация фактов, а ещё и твой личный взгляд. В твоих статьях есть ты, частичка твоей души, от этого и читать становится интереснее. Будто читаешь художе-

ственную литературу.

– Ох, приятно-то как, – сказал я и начал улыбаться, – Спасибо, я очень польщен. Теперь, когда буду писать новую статью, буду все время вспоминать твои слова. А кстати, что за идея?

– Ты смотрел фильмы Лари Кларка "Детки" и "Кен Парк"?

– Впервые слышу.

– У моего первого парня была двухкомнатная в районе красраба, днём меня драчили на филфаке, вечером он целовал мою фиалку, как в модном фильме кен парк, -протрезво-нила она.

– Это откуда?

– Да так, из одной песни. В общем, это фильмы про американских подростков 90-ых, с алкоголем, наркотиками и, – она сделала глоток воды из стакана, – сексом естественно. Но вообще, все видят в этих фильмах одну чернуху, но на самом деле Кларк хотел показать, что подростки хотят быть просто счастливыми. В каждом из них живет отчаяние, потому что никто из них толком не представляет, чего они хотят от жизни, и вообще зачем они живут. Выбранный ими веселый образ существования перекрывает отчаяние и одиночество, что все мы испытываем, и приносит в их жизнь смысл.

– Чем-то “Пало Альто” напоминает, но идея классная, пожалуй, за выходные посмотрю.

– Да, “Пало Альто” из той же оперы, хотя их сложно сопоставить.

Мы доели макароны и закинули тарелки в раковину.

– Может кофе с сигаретами?

– Ну кофе да, а сигареты нет, пожалуй. Я не курю.

– Да ладно тебе, я же помню фотки, где тебе Вова сигаретку о свою сигарету прикуривает. Тем более, когда ещё ты сможешь со мной покурить.

– Это давно было, и я больше не балуюсь.

– Ладно, – сказал я с грустью.

Кофе в турке я сварил быстро. Мы вышли на балкон.

– Я, пожалуй, все-таки закурю, ты же не против? – спрашиваю я у неё.

– Валяй.

Я прикурил от крикета и сделал солидную тяжку. Никотиновой приход долго себя ждать не заставил, и я почувствовал приятную лёгкость. Сделав пару глотков кофе, я ещё раз затынулся.

– Как же мне замечательно, – сказал я абсолютно искренне и не с целью подразнить Наташу. По правде говоря, Наташи в тот момент вообще не существовало рядом. Был только я, кофе и сигарета. В голове было такое прекрасное ощущение, что вся жизнь имеет только хорошее, а все плохое придумали нечестные заговорщики, чтобы люди друг друга ненавидели, обманывали и предавали. Работали по пол дня, смотрели телевизор и жрали всякое говно. Зачем им этот заговор? Да они и сами не знают. Одно лишь известно, что на этом заговоре держится весь наш человеческий мир.

– Ты точно не хочешь сигаретку?

Она покусывала губы и водила указательным пальцем по верхушке стакана

– Ну знаешь, они так вкусно пахнут, что я, наверное, все-таки сделаю исключение.

– Вот и правильно. Как говорил один мой старый приятель: "Бумагу для сигарет макают в селитру, а кофе блокирует серотонин, но жить тоже вредно, и каждый не вечен, и совсем не готов умирать я один", – довольно произнёс я.

Наташа быстро и уверенно вытащила сигарету из пачки. Я решил тоже вытащить вторую сигарету, а первую докурив до середины, кинул в банку.

– Ох, теперь я понимаю, чего ты такой довольный, – сказала она, затянувшись, – раньше, когда курила, а курила я редко, все было не так. Как-то не получалось насладиться сигаретой, а с тобой и кофе, это выходит так легко, непринужденно и естественно.

– Я тоже редко курю. Не понимаю вообще людей, которые на постоянной основе курят. Сигареты для них, это не приятный способ провести время и как-то установить более близкий контакт с собеседником, а простая необходимость, как поход в туалет или покушать.

– Да, полностью согласна с тобой. Наслаждениями нужно уметь управлять, а то они превратятся в привычку.

– Ты тут, кстати, верно подметила. Люди любят заводить привычки. Жить становится проще, когда знаешь, что каж-

дое воскресенье ты идёшь в кино, а каждый вторник или четверг спишь с какой-нибудь своей подружкой. А утром ты ешь яичницу с беконом, а на обеде ты ходишь в один и тот же магазин за апельсинами.

– Иногда мне кажется, что любовь, это тоже привычка.

– Не соглашусь. Любовь очень умна. Это и её дар и её проклятие. Когда ты влюбляешься, ты обязательно когда-нибудь разлюбишь. Ну это я так считаю, конечно. И в общем, любовь тем самым сама борется с тем, чтобы не стать привычкой. Люди просто привыкают к друг другу сами, и потом считают это любовью. А любви то и в помине уже нету.

– Знаешь, Матвей, мне иногда кажется, что я никогда больше не смогу влюбиться. До класса 9 влюбиться было так легко, я даже не думала об этом. А сейчас я ничего к людям кроме симпатии не чувствую. Нету таких ярких и сильных чувств, как раньше.

– Да, понимаю тебя. Тоже что-то похожее за собой замечаю. Что поделать, старость уже близко.

Наташа рассмеялась.

– Да, тут ты верно подметил, конечно.

– Наташ, а о чем ты вообще мечтаешь?

– В каком смысле?

– Ну, у тебя есть мечта, такое даже некое желание, чтобы оно когда-то выполнилось?

– Ну-у-у-у, как сказать...

– Говори как есть.

– Да что говорить, вполне банальная мечта. Хочу путешествовать, знакомиться с разными интересными людьми. Чтобы жизнь была весёлой и не скучной. А ты о чем мечтаешь?

Я поправил волосы и посмотрел куда-то в пустоту неба.

– Знаешь, я недавно думал об этом, наверно поэтому у тебя и спросил. В общем, я вспоминал хорошее, что происходило в моей жизни за все время и на глаза мне попался один интересный момент. Ты, наверное, ощущала такое состояние, когда ты пришла на встречу с возлюбленным раньше назначенного времени, ждёшь его, а внутри все будто кипит. Каждая тень кажется тебе его тенью, каждый шорох пытается выдать себя за его шаги. Тебе уже не терпится вцепиться в него объятиями и никогда больше не отпускать. Ни на секунду. Сомкнуть руки в объятия на всю оставшуюся жизнь.

– Да, истосковалась я по такому, – сказала Наташа и довольно замечталась, глядя в потолок.

– Так вот, я мечтаю о том, чтобы в моей жизни было как много больше таких вот моментов. Мне кажется, нет этого ничего прекраснее.

Наташа сделала одобрительное движение головой.

– Ты оказывается у нас романтик, Матвей. В школе из тебя слова было не вытащить.

– Ха, стараюсь. Люди меняются, что поделать.

– И как же ты так решился поменяться?

– Да легко и просто. Могу рассказать.

– Я тебя внимательно слушаю.

– Короче. Произошло это в новогоднюю ночь во время обучения в девятом классе. Мы тогда с Сашей, – Саша тоже мой бывший одноклассник, – сидели у него и слушали речь Путина, держа стопки водки в воздухе. Все это имело конечно же ироничный характер, но все-таки я слова президента слушал. И как-то речь зашла у него о следующем годе, и он выдал такую фразу, мол ребята, в новом году, нам всем нужно обязательно меняться в лучшую сторону, чтобы жизнь на месте не стояла. Я послушал его и подумал. "Блин, и вправду, пора бы уже взять себя в руки и меняться". Рюмки мы осушили и потом отправились за добавкой. В общем новогодняя ночь прошла как надо. А на утро моё желание перемен никуда не делось, а даже наоборот. Только усилилось.

– Ты серьёзно сейчас все это?

– Абсолютно.

– Ох, ну хоть какая-та от Путина польза.

Я засмеялся.

– Авторитетное лицо, что сказать.

Наташа улыбнулась.

– Знаешь, я такое вообще впервые слышу, чтобы люди так резко менялись, да ещё и таким вот способом. Я, мягко говоря, в недоумение нахожусь.

– Да я сам до сих пор в недоумении "как" и "что" вышло, но результатами я доволен. После этого кстати я и начал свой, если можно так выразиться, литературный путь.

– Я слышала где-то, что ты стихи пишешь, может зачита-

ешь?

– Давай со стихами в другой раз, а сегодня я прочитаю тебе одну, как я называю это, прозаическую заметку.

– Ну давай.

Свои стихи я читаю обычно только, когда выпиваю с друзьями. Я выхожу на середину комнаты и говорю. "Так ребята, стихи от меня вам, немедленно". Они это бурно поддерживают, но когда я их читаю, они наверняка и слова не могут разобрать, потому что все в стельку пьяные. Поэтому, наверное, я больше для себя их читаю. Но да ладно.

Я достаю телефон и начинаю.

– Фигус отбрасывал острую тень на её оливкового цвета ягодицы. Она лежит на краю кровати, озарённая светом ночных фонарей и курит свои любимые сигареты. Как бы она не пыталась, она не могла спрятать свой карий взгляд за рваной, цвета угля, чёлкой. Её груди вмялись в молочную простынь, а ребра раскрываются под напором вдыхаемого дыма. Плавный изгиб её талии и родимое пятнышко на плече – это все мечта, одинокая мечта человека, сидящего в холодной ночной кухне и не знающего абсолютно ничего о завтрашнем дне.

Я смотрю на неё и ловлю воздух ртом. Мой взгляд аккуратен и медлителен. Я изучаю её. Я рисую её. Я пишу о ней. В голове приятная тяжесть. Я не хочу знать её имени. Я хочу, чтобы она стала символом и жила в моей голове. Быть

моментом прекрасного – и больше ничем иным. Воспоминанием о том, что в жизни есть любимые книги, музыка и кинофильмы.

Наташа улыбнулась.

– Весьма романтично. Ты её кому-то посвятил?

– Может быть и посвятил, – с улыбкой отвечаю ей я.

– Ах, Матвеюшка, ты оказывается проказник.

– Да, ещё какой.

Мы стояли и смеялись. Кофе кончилось, курить совсем не хотелось. Наташа смотрели вниз, на проходящих по дороге детей. В профиле Наташи было отчётливо видно, что в её родовом дереве пробегали чернокожие ребята. Припухшие губы, большая и упругая попа, сильные ноги. Чёрт возьми, она была все так же хороша, как и тогда в девятом классе.

– Матвей, давай обнимемся, мне так охота тебя обнять, – сказала она, повернувшись и глядя мне прямо в глаза.

– Да, конечно.

Мы с ней долго стояли и обнимались. Для меня объятия ещё интимнее поцелуев. Такое странное ощущение, когда обнимаешь кого-то. Будто вы обмениваетесь энергией друг друга. Я чувствовал себя просто прекрасно, потому что после сегодняшнего, Наташа была для меня уже абсолютно другим человеком и значила для меня уже совершенно другое. Я пока не решил что, но когда смотрю на неё, мне хочется прижаться к ней ближе и не отпускать её. Хочется, чтобы она погрузила руку в мои волосы и гладила мою голову.

Чтобы она поцеловала меня в шею и игриво куснула меня за ухо. Хочется слушать её и наслаждаться ей.

– Ну так как тот фильм называется, что мы планируем с тобой посмотреть, – говорила она в моих объятиях.

– Ты слушаешь Цоя?

– Нет, а что?

– Эх, тогда будет сложнее объяснить. Ну в общем у него все песни на первом альбоме пропитаны атмосферой безделья. Но знаешь, не того безделья о котором клеймят обычно всяких лентяев. Это безделье другое. Есть песня у группы "Кино", называется "бездельник 2". Первый бездельник более попсовый, а вот второй именно о том безделье, о котором дальше речь пойдёт. Если коротко, то вот знаешь же как у нас в обществе происходит. "Будь красивым", "Будь мужественным", "Будь успешным", "Будь сексуальной", "Будь хозяйственной", "Иди работай туда-то", "Смотри то-то", "Слушай то-то". Все пытаются заставить нас быть кем-то или делать что-то, мол если вы это сделаете, то обязательно будете счастливы, успешны и у вас будет много друзей, любовников или знакомых. Так вот песня "Бездельник 2" о том, что человек не должен терять свою индивидуальность и если ему хорошо самим с собой, именно тем, кем он является сейчас, то зачем ему все время гнаться за всякими эфемерными образами, которые возможно даже и не достижимы, а если и достижимы, то совсем не приносят тебе счастья. Всех под одну гребенку. Одинаковые люди с одинаковыми взглядами,

вкусами и мнениями. Бездельник – это человек, которому хорошо быть с собой настоящим и он не стремится стать тем, что ему активно транслируют. Поэтому он и бездельник.

– Никогда бы не подумала, что можно столько вытащить из одной песни.

– У него куча песен пропитаны "бездельем".

– Я только не понимаю, какая связь между кино и "бездельем"

– Слушай дальше. Есть такой режиссёр, Джим Джармуш, и у него есть его дебютный фильм, который называется: "Отпуск без конца". В этом фильме, главный герой тот ещё бездельник. Он не может больше недели сидеть на одном месте и постоянно путешествует. Таким образом, главный герой борется с тем, что мы любим и зовём "комфортом". Комфорт делает все пресным, ощущения тусклыми, а жизнь скучной. И поэтому жизнь героя – это постоянный побег, побег от "комфорта". "Я турист – чей отпуск длится без конца", – говорит он. Главный герой, как поётся во многих ранних песнях кино, просто гуляет без конца по улице, не имея никакого конечного пункта. Он встречается разных людей. Простых людей и настоящих безумцев. Но та связь между ними, та мимолетная связь, в которую они вступают, она необъяснимо завораживает зрителя, ведь недаром говорят, что с незнакомцем так легко болтать искренне. А ещё осознание того, что с этим человеком ты больше никогда не увидишься, оставляет после диалога приятную пустоту внутри и лег-

кую тоску.

Наташа слушала меня не отводя взгляд, а когда я закончил, она улыбнулась и робко хихикнула.

– Ну что, пойдём смотреть? – заговорила она.

– Да, пойдём.

Наташа медленно взяла меня за руку. Она смотрела на меня и улыбалась, а я улыбался ей в ответ. Какая она все-таки красивая. Знаете, ведь так приятно взять новую в твоей жизни девушку впервые за руку. Просто взять её руку в свою. Сколько всего хорошего сразу происходит, что словами не описать. Как много нежности в моем сердце сейчас. Мне вообще не о чем не хочется думать. Только держать её руку и все. Не отпускать её не при каких обстоятельствах.

Держась за руки, мы ушли с балкона в гостиную. Ушли на вечерний киносеанс. Как и куча других людей в этот вечер.

Досмотрим ли мы кино до конца? Чёрт его знает. Самое главное тут не это. Сегодня, я нужен ей, а она нужна мне. Так приятно осознавать, что вы с человеком взаимно друг другу нужны. Другьям, любимой девушке или просто проходим на улице. Быть нужным – это спасение от одиночества и похоже, сегодня я совсем не одинок.

– Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.